

Конституција Србије

Лица у горизонта

Константин Погудин

Лица у горизонта

«Автор»

2026

Погудин К.

Лица у горизонта / К. Погудин — «Автор», 2026

Восьмая книга о станциях. Тихий океан, 1737 год. Мерсье, Торн и их друзья идут по следу девятой станции — древней обсерватории, о которой знают лишь легенды островитян. Карта-палочки Хину и хронометр Торна ведут отряд на край света, на остров Рапа-Нуи, где тысячи каменных истуканов веками смотрят в одну точку. Но остров умирает от голода, а на горизонте уже растут паруса голландского фрегата. Ван Ромондт, двадцать три года искавший ключ к станциям, готов взять его силой, пока Луна не встала на единственный в своём цикле путь. Одиннадцать ударов, три голоса и девятый луч, который принадлежит тому, кто его принесёт.

© Погудин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

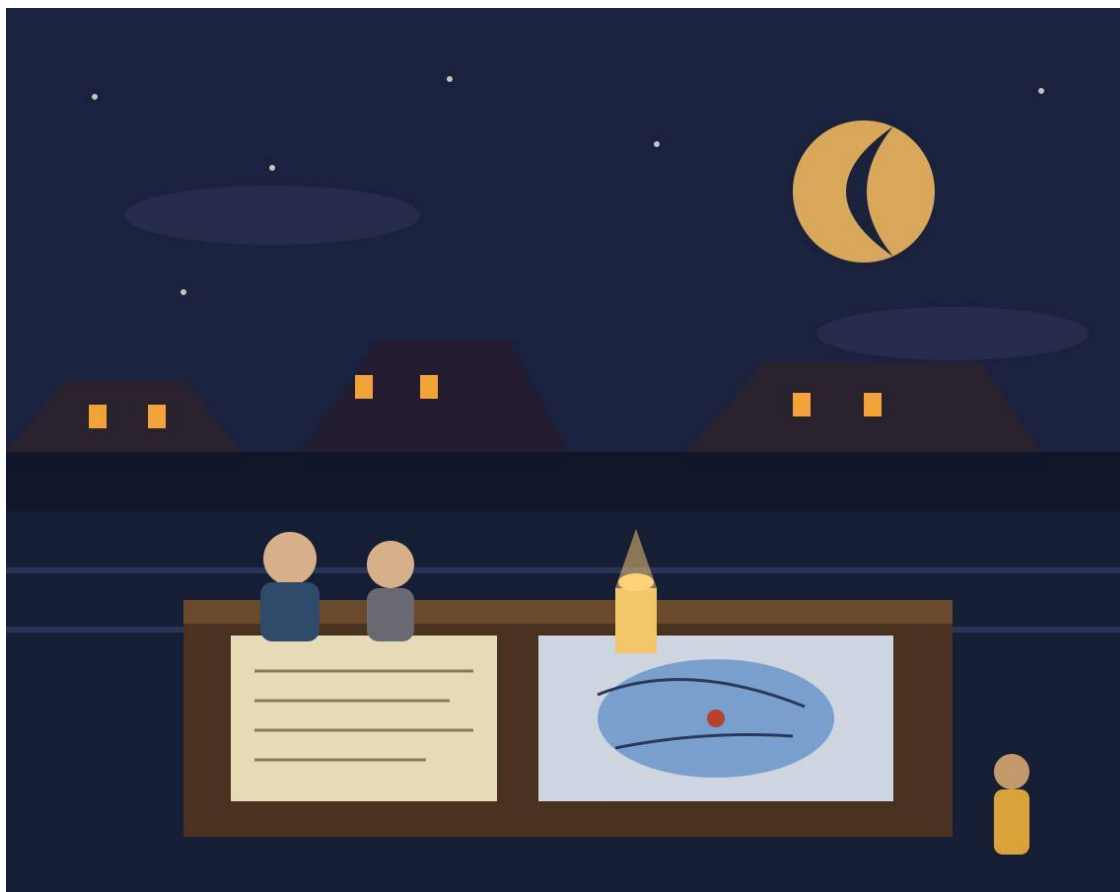
ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	9
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Константин Погудин

Лица у горизонта

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лунный счёт

В августе Батавия пахла дождём, который никак не мог начаться.

Он висел над городом с самого утра, тяжёлый, серо-фиолетовый, и каждый вдох был похож на глоток тёплой воды. В доме Йоханны ван Хорн на улице Принсенстраат все окна стояли открытыми, плетёные вентиляторы под потолком лениво ворочали влажный воздух, а на длинном столе в кабинете лежали раскрытые рядом три книги, шесть карт и ровно одиннадцать листов бумаги, исписанных мелкими цифрами.

Мерсье сидел над ними третью ночь подряд.

С того дня, когда «Эндрахт» бросил якорь на внешнем рейде, прошло три месяца. За это время было сделано многое. Корабль отремонтировали и перебрали до последней доски. Хейл, не сказав никому ни слова, написал статью о газе в низинах Диенга и отправил её в Лондон. Фонд «Общий час» выпустил в Амстердаме первую книгу записей станций, и Йоханна показывала всем письмо издателя, где тот сообщал, что тираж разошёлся за две недели. Из Диенга пришло короткое послание от Ван Дейка, написанное твёрдым, ровным почерком: «Скопировал сорок таблиц. Нини Ратна говорит, что у меня плохой яванский, но хороший слух. Передайте мадам Блэквуд, что я ничего не продал».

Всё это было хорошо. Но станции не ждут, а Мерсье не мог перестать считать. Первой его заметила Ууна.

Она вошла в кабинет за полночь, босая, в длинной ночной рубашке, с кружкой тёплого молока в руках, и остановилась на пороге, глядя на человека, который сидел, согнувшись над столом, с красными глазами и слипшимися от пота волосами.

— Ты не спал, — сказала она.

— Я спал.

— Нет. Я слышала. У тебя перо скрипит не так, когда ты спишь.

— Это глупо.

— Это точно. — Она подошла и поставила кружку на край стола. — Что ты считаешь? Мерсье потёр лицо ладонями.

— Луну.

— Луну? — Ууна наклонилась над листом. — Она же одна.

— Одна. Но она не ходит по одной дорожке. Смотри.

Он достал чистый лист, нарисовал горизонт, поставил на нём точку и провёл от неё дугу.

— Солнце за год поднимается и опускается. Летом высоко, зимой низко. Это знают все.

Луна делает то же самое, но не за год, а за месяц: за двадцать семь дней она поднимается к северу и опускается к югу. А ещё пределы её пути медленно меняются. Они расходятся и сходятся, как ножницы. Один цикл занимает восемнадцать лет и семь месяцев.

— Для чего?

— Не знаю. — Он улыбнулся устало. — Но, когда они сходятся, Луна ходит узким путём, и на несколько месяцев всё небо будто замирает. Она никогда не поднимается слишком высоко и никогда не опускается слишком низко. Вот это и есть то, что я ищу. «Придите, когда луна встанет там, где ей не бывает».

— Когда это будет?

— Скоро. Очень скоро.

Ууна задумалась. Потом, не отрывая взгляда от рисунка, сказала:

— Мой дедушка говорил, что в такие годы птицы летят не туда. Что гуси ошибаются дорогой, а моржи уходят дальше, чем нужно. Я думала, что он выдумывает.

— Может быть, и не выдумывал.

— Может быть. — Она допила молоко, поставила кружку и пошла к двери. На пороге обернулась. — Не засиживайся. Одиннадцать цифр от одной бессонной ночи не прибавятся.

Утром, когда небо за окнами наконец прорвалось и на крыши обрушился ливень, они собрались в кабинете все: Блэквуд, Торн, Йоханна, Финч, Хейл, трое девушек, Инес и Бонвиль. Не было только Схейтена, который с рассвета сидел с матросами в порту и, как выяснилось позже, считал, сколько человек из команд «Эндрахта» остались верны Йоханне, а сколько посматривали на конторы Компании.

Мерсье стоял у стола, перед ним на подставке стояла большая карта Тихого океана, и он говорил быстро, хрипло, как человек, который боится, что мысль уйдёт.

— Восьмой луч там, где только вода и небо. Там, где люди оставили лица смотреть в темноту. Я долго думал, что это метафора. Потом вспомнил журнал.

Он повернулся к Торну, и тот, кивнув, достал из ящика потёртую тетрадь в кожаном переплёте.

— Якоб Роггевен, — сказал Торн. — Голландец. В тысяча семьсот двадцать втором году он вышел из Тексея с тремя кораблями искать Южную землю, а нашёл остров. В пасхальное воскресенье, пятого апреля, на горизонте показалась земля, которую он назвал островом Пасхи. Журнал хранился у Ван Хорна.

— У него были все журналы, — заметила Блэквуд.

— У него были все. — Торн открыл тетрадь на закладке. — Вот что пишет Роггевен: «Берег усеян каменными истуканами, высокими, как мачты, с длинными лицами и красными шапками на головах. Они стоят спиной к морю и смотрят внутрь острова. Туземцы, когда над горизонтом встаёт солнце, зажигают перед ними костры и падают на колени». А потом, дальше: «Кто-то из матросов выстрелил, и толпа побежала. Погибло человек десять. Я приказал отплывать, и никто не стал возражать».

В кабинете стало тихо. Дождь тяжело стучал по подоконникам.

— Они стоят спиной к морю, — повторил Мерсье. — Смотрят внутрь. Не на воду, не на небо: на землю. Это неправильно. Это первое, что показалось мне странным. Все такие сооружения смотрят на что-то снаружи. А эти смотрят на то, что у них за спиной.

— Или на то, что под ногами, — сказала Амара.

— Или так. — Он повернулся к карте. — Остров лежит очень далеко: около двадцати семи градусов южной широты, и по долготе почти на другом конце Тихого океана. От Батавии до него примерно двенадцать тысяч миль.

— Сколько? — переспросил Финч.

— Двенадцать тысяч. — Мерсье посмотрел на него. — Если считать по прямой, а прямой дороги там нет.

Финч засвистел сквозь зубы, подошёл к карте и долго молчал, водя пальцем по пустому океану.

— Это четыре месяца под парусом, — сказал он наконец. — Если ветер будет честным. Пять, если нет. Мы никогда не ходили так далеко. На этих водах нет ни одного порта, ни одной бухты, о которой я бы слышал. И вообще ни одной карты.

— Это неправда, — тихо сказал Дэнг Малик.

Он сидел в углу, где всегда сидел: скрестив ноги, с чашкой кофе, и все привыкли к его молчанию настолько, что вздрогнули. Он поставил чашку на пол.

— Карт нет, — сказал он. — Но люди есть. Мой отец рассказывал, что на востоке, за островами Тонга, живёт народ, который плавает по звёздам. Они не знают ни компаса, ни секстанта. Но они ходят там, где вы боитесь, и всегда возвращаются.

— Ваш отец это видел?

— Он видел одного человека. Тот пришёл на Макасар на лодке с двойным корпусом, с парусом, как клешня краба. Сказал, что пришёл с острова, которого нет на картах, и что дорога до него занимает двадцать ночей. Его засмеяли. Он ушёл. — Дэнг Малик помолчал. — Через два года наш рыбак принёс весть: тот человек вернулся домой. Живой.

— Значит, нужен проводник, — сказала Блэквуд.

— Нужен тот, кто слушает не ветер, а небо.

Они обсуждали до вечера.

Мерсье показывал расчёты: три возможных окна, по два месяца каждое. Первое пришлось на конец тысяча семьсот тридцать седьмого года, второе на март тысяча семьсот тридцать восьмого, третье, самое точное, на февраль. Он считал, что станция откроется в одном из них, но в каком, сказать не мог.

— Чем раньше придём, тем лучше, — сказал Торн.

— Чем раньше придём, тем больше шансов нарваться на штормы. Мыс Горн в декабре, это...

— Мы не пойдём через Горн. — Торн ткнул пальцем в карту. — Мы идём на восток через Банду, вдоль Новой Гвинеи, мимо Тонга. Это самый длинный путь, но самый безопасный.

— И самый заметный.

Это сказала Йоханна, молчавшая всё время, стоя у окна с засунутыми в рукава руками. Все повернулись.

— Ван Ромондт, — сказала она. — Вы помните его письмо. «В следующий раз я приду сам». Три недели назад на рейде появился «Амстердам».

— Фрегат? — спросил Финч.

— Сорок четыре пушки. Новый. Только что с верфи в Голландии. Вчера мне сказали, что его снаряжают для «научной экспедиции в Тихий океан». С астрономом, с картографом и с двумястами солдат.

— Откуда вы...

— Я продала им две бочки пороха, — сухо сказала Йоханна. — Не зная, для кого.

Никто не засмеялся.

— Значит, он идёт тем же путём, — сказала Блэквуд.

— Нет. — Мерсье покачал головой. — Он не знает пути. У него нет письма Ван Хорна. Нет журнала Рогтевена. Нет Торна с хронометром. Он знает только то, что мы идём на восток. И будет ждать нас за каждым мысом.

— Тогда нужно идти раньше него, — сказала Блэквуд. — И не оставлять следов.

Все смотрели на карту. Дождь за окном вдруг усилился, и через щели в ставнях в кабинет потянуло сырой прохладой, пахнувшей землёй и дымом.

Поздно ночью Мерсье вышел на веранду.

Ливень кончился. Небо над Батавией очистилось, и сквозь рваные облака проступила Луна: неполная, медная, с чёрной полосой на краю. Он смотрел на неё и думал о том, как странно устроен мир: то, что видят все, оказывается самым загадочным.

За спиной скрипнула дверь. Рядом встала Падма.

— Не спится? — спросила она.

— Никому не спится. Это такой дом.

— Мне хорошо здесь. — Она облокотилась на перила. — Только очень далеко от дома.

— Скучаешь по отцу?

— Да. — Она помолчала. — Он написал. Писал, что Дольма живёт в Сринагаре и учит детей считать на языке гор. А ещё что дворец тихий, и он часто сидит один в музыкальной комнате. — Она быстро провела ладонью по глазам. — Это глупо. Я же сама решила.

— Это не глупо.

Они стояли рядом, и в тишине слышно было, как с крыши падают редкие тяжёлые капли.

— Мерсье, — сказала Падма. — А ты веришь, что мы успеем?

— Не знаю.

— Это хороший ответ. — Она улыбнулась. — Когда взрослые говорят «конечно», они всегда врут.

Он засмеялся, тихо, впервые за много дней, и поднял глаза на Луну. Она висела над крышами, чуть наклонённая, и ему вдруг показалось, что в её свете, мягком, ровном, лежит какая-то тайна, которую он почти понял.

Почти.

— Знаешь, что самое странное? — сказал он. — Мы идём за лицами, которые смотрят в землю. И ждём Луну, которая будет стоять не там, где всегда. Это не станция. Это загадка. И на неё, я думаю, нет одного ответа.

— Тогда нужно много голосов, — сказала Падма.

— Да.

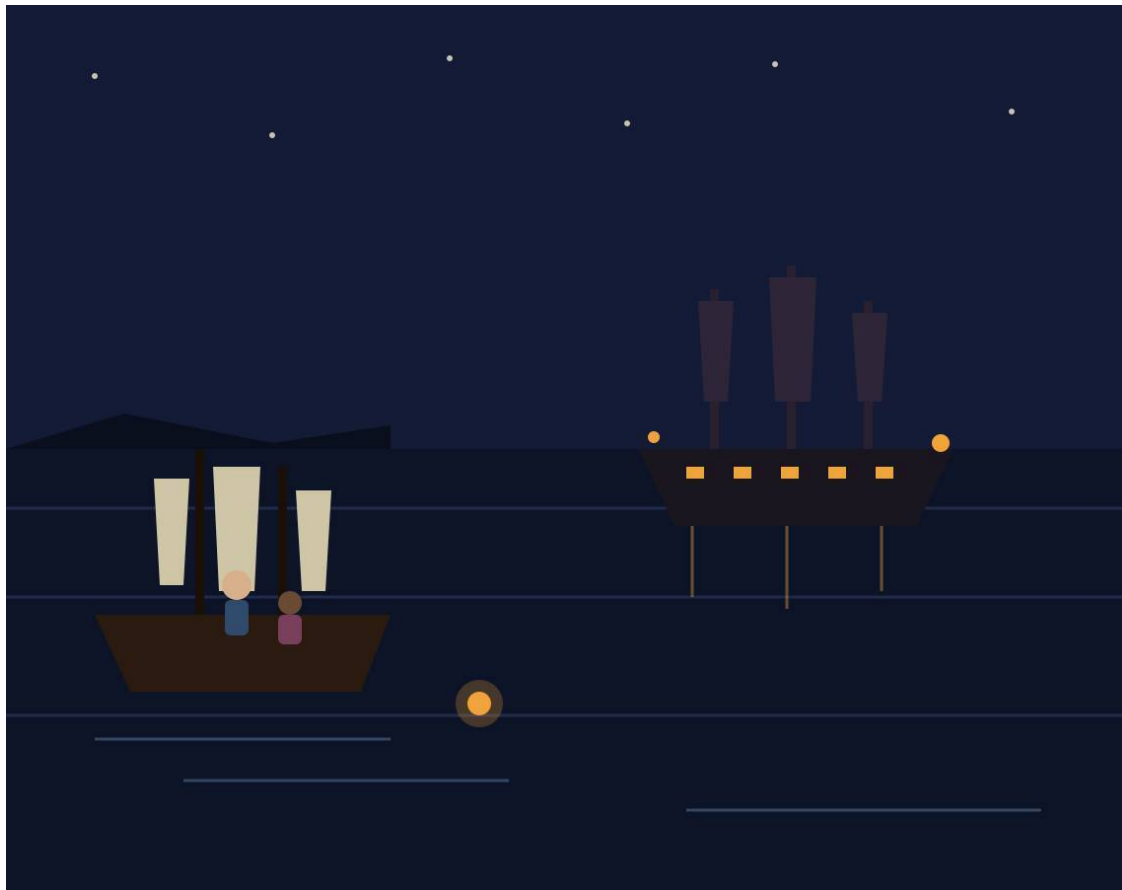
— Хорошо, что нас много.

Она положила голову ему на плечо, как маленькая, и они так и стояли, пока на востоке небо не начало светлеть, и над крышами не раздались первые утренние звуки, голоса торговцев, скрип колёс, стук ставен. Далеко, на рейде, у чёрного борта «Амстердама», зажёгся одинокий огонёк.

Он не мигал. Он ждал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тень фрегата

Ван Ромондт пришёл в дом на Принсенстраат сам, без свиты, в тёмном сюртуке и с тростью, как приходят на ужин к старым знакомым.

Это случилось в начале сентября, на закате, когда над Батавией висела розовая дымка, а на каналах включали первые фонари. Слуга доложил о госте, и Йоханна, сидевшая за счётными книгами, долго смотрела на дверь, прежде чем сказала:

— Просите.

Он вошёл, как входят в собственный дом: неторопливо, оглядываясь, слегка кивнув картам на стенах. Те же седые виски, тот же усталый взгляд, та же аристократическая вежливость. Он положил трость на стол и сел, не дожидаясь приглашения.

— Мадам ван Хорн. Благодарю, что приняли без предупреждения.

— Вы не оставили мне выбора.

— Я никогда не оставляю выбора, это мой недостаток. — Он улыбнулся. — Могу я предложить вам вина? Я принёс бутылку. Бордо, семьсот двадцать шестого года. Ваш дядя любил такое.

Он поставил на стол бутылку, и Йоханна, помедлив, достала два бокала.

В кабинете, за приоткрытой дверью, замерли четверо: Блэквуд, Мерсье, Торн и Финч. Они слышали каждое слово. Йоханна заранее оставила дверь открытой на ширину ладони, и ван Ромондт, конечно, знал об этом, потому что говорил слегка громче, чем нужно.

— Я не хочу вас пугать, — сказал он. — Я пришёл говорить.

— Говорите.

— Вы отправляетесь в Тихий океан. Не отрицайте, это очевидно. Вы три месяца изучаете журнал Роггевена, вы заказали двенадцать бочек сухарей и тридцать пудов сушёной рыбы, вы наняли штурмана-бугиса, который хорошо знает восточные воды. Я не знаю, куда именно. Но знаю направление.

— Это не преступление.

— Нет. — Он налил вино. — Преступление то, что вы собираетесь найти. И я хочу объяснить, почему мне это не безразлично.

Он помолчал, глядя на тёмную поверхность в бокале.

— Двадцать лет назад, когда мне было тридцать, я командовал эскадрой из одиннадцати кораблей. Мы шли с грузом специй из Бантама. В Зондском проливе нас накрыл ураган. Он продолжался три дня. Я потерял семь судов и девятьсот человек. Среди них был мой брат.

— Мне жаль, — сказала Йоханна, и в её голосе не было ни насмешки, ни холода.

— Не нужно. — Он поднял глаза. — Ураган, который убил моего брата, и ураган, который убил сына Ван Хорна, это одна и та же буря. Я читал его записи. Они лежали у меня в сейфе четыре года: Ван Дейк принёс мне копии.

За дверью Торн сжал кулак.

— Ван Хорн искал закономерность, — продолжал ван Ромондт. — А я нашёл её в ваших бумагах. Тот, кто знает ураган за месяц, владеет морями. Тот, кто умеет слушать землю, знает, где она задрожит. Вы думаете, я хочу присвоить? Нет. Я хочу, чтобы это знание принадлежало тому, кто сумеет им распорядиться.

— То есть Компании.

— Тому, кто способен сохранить порядок. Вы знаете, что случится с миром, если любой корабль будет знать день бури и день штиля? Рухнет страхование. Рухнет торговля. Рухнут цены. Тысячи людей останутся без хлеба, потому что кто-то слишком рано получил то, что мир не готов использовать.

Йоханна медленно поставила бокал.

— Это не причина запретить людям знать, — сказала она. — Это причина научить их пользоваться.

— Это красивая мысль. Она убивает больше людей, чем любая война.

— Не знаю. — Она посмотрела на него. — Я знаю другое: я потеряла мужа от лихорадки, потому что никто не знал, что причина в воде. И когда наконец узнали, говорили то же самое: «Рано. Мир не готов».

Ван Ромондт долго молчал.

— Вы очень похожи на вашего дядю, — сказал он наконец.

— Я слышу это не первый раз.

— Это комплимент. — Он поднялся, взял трость. — Я иду за вами, мадам. Не как враг, хотя вам трудно будет в это поверить. Я иду, чтобы не дать никому другому добраться первым. Если окажется, что я не нужен, уйду. Если нужен, останусь.

— А если мы откажемся?

— Тогда я возьму станцию силой. — Он слегка поклонился. — Приятно было поговорить. Бутылку оставьте себе.

Он вышел. Дверь закрылась. И только через минуту Блэквуд, выйдя из кабинета, медленно сказала:

— Он говорил правду.

— Всю? — спросил Мерсье.

— Достаточно, чтобы быть опасным.

Они готовили отъезд три дня, и план родился у Финча.

Он вошёл в кабинет утром четвёртого дня, в вязаной шапке, с красными от бессонницы глазами, и положил на стол листок, исписанный каракулями.

— Слушайте. «Амстердам» выходит в море через пять суток. Мы за это время должны уйти. Но если мы уйдём, он пойдёт за нами. У него сорок четыре пушки и экипаж триста человек. Нас догнать он не сможет, но будет преследовать по пятам и ждать у каждого порта.

— Значит, нужно уйти так, чтобы он не знал, куда, — сказала Блэквуд.

— Или так, чтобы знал неправильно.

Он развернул листок. На нём были нарисованы два корабля: один шёл на запад, другой на восток.

— «Йоханна», галиот, выйдет открыто, днём, с флагом. С грузом, как торговое судно, идущее на Мыс Доброй Надежды. На палубе будут люди, похожие на нас: У нас есть пара парусиновых манекенов в сюртуках, остальных изобразят матросы. Ван Ромондт не дурак, он проверит. Но он увидит мадам Блэквуд в дорожном плаще на мостике.

— Я не могу быть в двух местах, — холодно сказала Блэквуд. — Кто поведёт «Йоханну»?

— Доброволец.

— Кто?

Финч замолчал. Из угла, где сидел с чашкой и ружьём между колен, вдруг раздался хриплый голос:

— Я.

Это был Схейтен. Он встал, поправил пояс, и шрам на его щеке в утреннем свете казался белым.

— Мне двадцать лет в этом деле, мадам. Меня не поймают. Я пройду на запад, как положено купеческому судну, дойду до Бантама, а дальше потеряюсь. Через три недели буду на Банде, где вы будете ждать.

— А если за вами не пойдут?

— Тогда я просто приду на Банду раньше. — Он усмехнулся. — Я им не нужен. Они хотят голову, а не тело.

— Схейтен...

— Он платил вовремя, — сказал боцман, глядя на Йоханну. — Я теперь работаю на вас. Меня учили, что долги отдают.

Никто не ответил. Только Йоханна, не вставая, молча протянула ему руку, и он пожал её, коротко, крепко, как жмут руки равным.

Они вышли в ночь на восьмое сентября.

«Эндрахт» стоял на внутреннем рейде, у дальнего пирса, почти в темноте: ни огней на мачтах, ни фонарей на корме. Паруса были подняты на половину, канаты смазаны салом, чтобы не скрипели. Матросы, выстроенные вдоль борта, молчали. Мерсье, стоя у фока-мачты, чувствовал, как под палубой ровно, мягко бьётся тёплое сердце корабля: качка воды о борт, скрип дерева, шелест такелажа.

А на соседнем причале, при свете фонарей, при толпе зевак, отплывала «Йоханна».

Он видел её через воду. Яркая, нарядная, с поднятыми флагами, она медленно отваливала от пирса, и на мостике, в дорожном плаще и широкополой шляпе, стояла женская фигура. Рядом с ней, чуть ниже, двое в тёмных сюртуках. Они стояли так естественно, так похоже, что Мерсье на мгновение поймал себя на мысли, что видит самого себя.

— Хороший манекен, — прошептал рядом Торн. — Особенно мой.

— У него ваше лицо.

— Это самое неприятное.

Над водой пронёсся колокольный звон: «Йоханна» дала сигнал отхода. Корабль, покачиваясь, пошёл к выходу из гавани. И за ним, на дальнем рейде, вспыхнули огни.

— «Амстердам», — сказал Финч.

Фрегат стоял в миле от них, огромный, чёрный, в паутине лёгких огоньков вдоль бортов. Из его пушечных портов выбивались тонкие полосы света, а на мостике двигались тени. Мерсье видел, как они остановились. Как один из них, в светлом сюртуке, поднёс к глазу трубу.

— Смотрит, — тихо сказал Торн.

— На «Йоханну».

— Он решает.

В тишине слышно было только, как вода плещется о борт. Мерсье почувствовал, что сжимает леер так, что болят пальцы. Рядом Амара, закутанная в тёмный платок, шептала что-то на языке, которого он не понимал: тихо, непрерывно, как молитву.

— Что ты говоришь? — спросил он.

— Прошу воду, чтобы она нас не выдала.

— Она слушает?

— Не знаю. — Амара не открывала глаз. — Но так спокойнее.

На фрегате что-то прокричали. Ударил колокол, один раз, два. Над водой потянулся протяжный сигнал горна. И медленно, очень медленно, огромный чёрный корпус пошёл вперёд, ловя ветер, разворачиваясь носом к западу, туда, где уходила «Йоханна».

— Ключнул, — выдохнул Финч.

— Тише, — прошепела Йоханна. Она стояла у штурвала, вцепившись в рукояти, белая, как полотно. — Ещё не всё.

Они ждали десять минут. Двадцать. Огни «Амстердама» уходили за мыс, превращаясь в тонкую дрожащую нить. Когда нить погасла, Финч поднял руку.

— Паруса!

Матросы бросились к снастям. Тугие полотнища, вздрогнув, развернулись и поймали ночной ветер. «Эндрахт» дрогнул, оторвался от пирса и тихо, как тень, пошёл на восток.

К рассвету Батавия была уже далеко.

Они шли вдоль северного берега Явы, держась так близко к земле, что на склонах холмов видны были огни рыбацких деревень. Ветер, юго-восточный, тот самый, что дует в эти месяцы против любого, кто идёт в тихоокеанскую сторону, сдавливал паруса, но Дэнг Малик, стоя у штурвала рядом с Финчем, вёл корабль галсами, по береговым бризам, каким-то только им двоим понятным способом: ловил ветер у земли ночью и уходил в море днём.

— Так нас не догонят? — спросил Мерсье.

— Нет. — Дэнг Малик не оборачивался. — Фрегат тяжёлый, ему нужен сильный ветер. Мы лёгкие. Мы идём там, где он застрянет.

— А если он повернёт?

— Повернёт. Через три дня, когда поймёт, что «Йоханна» везёт только мешки с песком. Но к этому времени мы будем за Мадурой.

Он помолчал, потом тихо добавил:

— Но он не будет искать на востоке. Он будет искать там, где мы были. Те, кто идёт за картой, всегда идут по следам.

Мерсье вышел на корму и долго смотрел назад, туда, где за кормой бежала светлая дорожка. Батавия таяла в утреннем тумане, как нарисованная на мокрой бумаге. Где-то далеко на западе, на одинокой «Йоханне», плыл Схейтен с горсткой людей, шедших на риск ради тех, кого они почти не знали. Он вспомнил слова боцмана: «Меня учили, что долги отдают».

Рядом, у фальшборта, стояла Падма, с растрёпанными ветром волосами, и смотрела на горизонт.

— Он вернётся, — сказала она.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Но, когда я пою, я слышу его. Тихо, очень далеко. Он считает.

— Что?

— Одиннадцать.

Мерсье улыбнулся.

— Тогда всё будет хорошо.

Над морем всходило солнце, красное, тяжёлое, и «Эндрахт» шёл ему навстречу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пряные острова

Банду они почуяли за двенадцать миль до берега.

Мерсье, стоявший на баке с подозрительной трубой, сначала решил, что у него разыгралось воображение. Ветер, шедший с востока, нёс какой-то тёплый, густой, почти осязаемый запах: сладкий и острый одновременно, как если бы где-то далеко пекли хлеб с корицей и гвоздикой. Он втянул воздух раз, другой и обернулся к Дэнгу Малику, сидевшему на бухте каната.

— Это...

— Мускат. — Дэнг Малик не улыбнулся. — Двадцать лет я чувствую этот запах, и каждый раз он пахнет деньгами. Здесь, на этих островах, растёт то, за что Голландия готова была убить тысячу человек. И убила.

Он сказал это спокойно, без злобы, но Мерсье заметил, как у него дрогнули скулы.

Они шли двадцать три дня.

От Батавии вдоль северного берега Явы, мимо Мадур, мимо Бали, мимо Ломбока, держась ближе к земле, ловя береговые бризы и уходя в открытое море лишь на то время, когда Финч и Дэнг Малик понимали, что поймали правильный ветер. Мерсье научился различать на закате пятна облаков над островами, как моряки различают лица знакомых. Торн каждое утро заводил хронометр. Йоханна, сняв дорожное платье и надев матросские холщовые штаны, большую часть дня проводила на баке, изучая карты, и казалась помолодевшей лет на десять.

А по вечерам, когда стихал ветер, на палубе собирались все. Падма сидела у фок-мачты, поджав ноги, и слушала рассказы Дэнга Малика. Он говорил просто, без нажима, о том, о чём не рассказывал никому.

— Макасар был великим городом, — говорил он. — Самым вольным на всех этих островах. Любой купец, будь он англичанин, португалец, датчанин, китаец, мог торговать, и никто не спрашивал, чей у него бог. Потом пришёл голландский адмирал Спельман. С флотом. Осада продлилась год. Когда она кончилась, город был сожжён, а наш султан подписал договор, по которому торговать могла только Компания.

— Вы там были?

— Я родился позже. — Он улыбнулся уголком рта. — Мой отец был юношей. Он ушёл на лодке, с матерью и тремя сёстрами. Они плыли месяц. Потом осели на мысе, где я вырос, пока Компания не прогнала нас и оттуда. Бугисы никогда не сдаются, мадемуазель Падма. Они уходят в море.

— Это одно и то же?

— Не знаю, — сказал Дэнг Малик. — Но когда ты в лодке, никто не может сказать тебе, куда плыть.

Остров показался на рассвете двадцать четвёртого дня, и Мерсье, ожидавший увидеть рай, увидел крепость.

Она стояла на невысоком холме над бухтой: пятиугольная, белая, с бастионами, с флагом Компании на самом высоком шпиле. Под ней, у кромки воды, лепились красные черепичные крыши голландского поселка, а над всем этим, на другом берегу пролива, поднимался чёрный, дымящийся конус вулкана, и по его склонам, как зелёные ковры, лежали плантации.

— Банда-Нейра, — сказал Финч. — Форт Белгика. Говорят, там две сотни солдат.

— Мы туда не идём, — сказал Дэнг Малик. — Нам нужно в другую бухту.

Он повернул штурвал, и «Эндрахт» медленно обошёл остров с юга, миновав скалистый мыс, и вошёл в узкий проход между двумя зарослями мангров, где вода вдруг стала прозрачной, зелёной, как бутылочное стекло. За поворотом открылась маленькая, глубокая, закрытая со всех сторон бухта, и в ней, на тихой воде, стоял флот.

Это были прау. Двадцать, нет, тридцать, длинных, узких, с косыми парусами, с резными носами в виде морских драконов, выкрашенных в красное и золотое. На палубах сидели люди: загорелые, босые, с кинжалами за поясами, в разноцветных саронгах, и все они, как по команде, поднялись и молча смотрели на чужой корабль.

— Бугисы, — прошептала Йоханна. — Вы с ними сговорились?

— Нет. Но они знают меня.

Дэнг Малик сложил руки рупором и крикнул что-то по-бугийски, протяжно, с певучей интонацией. С ближайшей лодки ему ответил низкий мужской голос. Потом другой. Потом из глубины флота раздался хохот, и на борт «Эндрахта» перебросили верёвочный трап.

Вождя звали Дэнг Тахир, и Мерсье, увидев его, с трудом удержался от улыбки.

Он был невероятно похож на Дэнга Малика, только тяжелее, шире, с огромными руками и бородой, в которой запутались серебряные нити. Он стоял на палубе «Эндрахта», расставив ноги, и разглядывал гостей с таким же прищуром, с каким смотрят на новую лошадь на ярмарке.

— Двоюродный брат, — сказал Дэнг Малик. — Мы не виделись пятнадцать лет.

— Двадцать, — поправил Дэнг Тахир по-малайски. — Ты постарел.

— Ты поправился.

— Это дело. — Вождь расхохотался и заключил его в объятия, так, что захрустели рёбра. Потом, отпустив, повернулся к остальным. — Это те, кто ищет лица?

— Откуда ты знаешь? — спросил Мерсье.

— Ветер шепчет по островам. — Дэнг Тахир подмигнул. — Что на запад ушёл корабль с женщиной в плаще, который не корабль, а шутка. Что фрегат пошёл за ним и три дня гонялся за мешками с песком. Что настоящий корабль идёт на восток тихо, как кошка. — Он посмотрел на Йоханну. — Ваш человек со шрамом пришёл вчера. Живой, злой и очень хочет есть.

— Схёйтен? — Йоханна вскинулась. — Где он?

— Спит. Мои люди кормят его рыбой. Скажу, что пока он спал, шесть раз пытался встать и пойти на палубу.

Схёйтен вышел к ним к полудню, с повязкой на левой руке и с лицом, на котором стояла такая усталость, что Мерсье с трудом узнал в нём прежнего боцмана.

— Мадам, — сказал он. — Я вернулся.

— Вижу.

— Сорок четыре пушки, мадам. На «Амстердаме». Они вскрыли «Йоханну» на третий день, нашли мешки с песком и парусиновые манекены. Ван Ромондт сам поднялся на борт. Мы думали, что нас повесят. А он посмотрел на манекена в сюртуке Торна и, представьте, рассмеялся.

— Рассмеялся?

— Громко. А потом приказал отпустить нас, всех. Сказал: «Передайте мадам ван Хорн, что я оценил шутку. Но развернуться мне придётся». — Схёйтен перевёл дыхание. — Я не стал ждать, пока он передумает. Ушёл ночью, на вёслах, через Бали. Двое моих погибли на мелководе. Остальные тут.

В бухте стало очень тихо.

— Кто? — спросила Йоханна.

— Янсен и Мартин. — Он опустил глаза. — Простите.

Йоханна долго стояла, не двигаясь. Потом подошла к нему, взяла его раненую руку и осторожно, двумя пальцами, коснулась повязки.

— Не вы. Я. Это был мой план.

— Это был план Финча.

— Это была моя верфь, мои деньги и мои люди. — Она подняла голову. — Мы запишем их имена. И семьи их получат то, что им причитается. Я лично прослежу.

Схёйтен кивнул, и по его обветренному лицу пробежала странная судорога.

— Он платил вовремя, — прохрипел он. — Вы тоже.

К вечеру они собрались на борту самой большой прау, и Дэнг Тахир принёс на циновке то, что показалось Мерсье поначалу кучей мусора: ракушки, высушенные плоды, обрывки пальмовых листьев, связанных верёвочками.

— Это карта, — сказал вождь. — Не такая, к которой вы привыкли. Но моряки читают её лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.